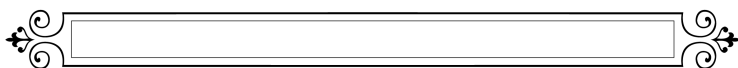

*Моему приятелю Жо, который, конечно же,
не призрак и тем не менее,
подобно Эрику, —
самый настоящий Ангел музыки.*

*С искренней любовью
Гастон Леру*

ПРЕДИСЛОВИЕ,

в котором автор этого необычного произведения рассказывает читателю, каким образом ему довелось удостовериться в том, что Призрак Оперы действительно существовал

Призрак Оперы существовал. Он не был, как долгое время думали, порождением воображения артистов и суеверия директоров, беспочвенной выдумкой разгоряченных умов девиц из кордебалета и их мамаш, билетерш, служащих гардероба и консьержки.

Нет, он существовал во плоти, хотя и придавал себе видимость самого настоящего призрака, то есть тени.

Как только я стал наводить справки в архиве Национальной академии музыки¹, меня с самого начала поразило удивительное совпадение странных явлений, которые связывали с присутствием Призрака, и событий, сопутствовавших одной из самых таинственных и фантастических драм, и вскоре я пришел к мысли о том, что можно, вероятно, разумно объяснить одно с помощью другого. От всего случившегося нас отделяет не больше тридцати лет, и было бы совсем нетрудно даже сегодня найти в самом танцевальном фойе весьма почтенных старцев, в чьих словах никто не посмеет усомниться, которые доподлинно вспомнят, словно все это происходило вчера,

---

¹ Французский оперный театр в Париже.

подробности загадочных и трагических обстоятельств, сопровождавших похищение Кристины Дое, исчезновение виконта де Шаньи и смерть его старшего брата графа Филиппа, чье тело обнаружили на берегу озера, находящегося в подвальной части театра Оперы со стороны улицы Скриба. Но до сего дня ни один из свидетелей не додумался заподозрить в причастности к этой ужасной истории персонажа, можно сказать, легендарного — Призрака Оперы.

Истина медленно прокладывала себе путь сквозь строй моих мыслей, смущенных расследованием, то и дело наткнувшись на явления, которые на первый взгляд вполне можно отнести к разряду потусторонних, и я уже готов был отказаться от предпринятого мной труда, ибо, изнемогая, преследовал призрачный образ, ни разу так и не поймав его.

Но в конце концов мне удалось получить доказательство того, что мои предчувствия не обманули меня, и однажды я был вознагражден за свои усилия, удостоверившись, что Призрак Оперы отнюдь не был тенью.

В тот день я много часов провел, склонившись над «Мемуарами одного директора», легкомысленным творением великого скептика Моншармена, который за время своего недолгого пребывания в Опере так и не сумел разобраться в тайнах, окружавших Призрака, и даже имел неосторожность потешаться над ними в тот самый момент, когда сам стал жертвой прелюбопытной финансовой операции, свершившейся внутри «колдовского конверта».

Отчаявшись, я вышел из библиотеки и вдруг встретил премилого администратора нашей Национальной академии, болтавшего на лестничной площадке с очень живым, кокетливым старичком, которого он тут же с удовольствием и представил мне. Господин администратор был в курсе моих исследований и знал, с каким нетерпением я понапрасну пытался отыскать убежище господина Фора, судебного следователя по знаменитому делу Шаньи. Никто не ведал, что

с ним случилось, жив он или умер, и вот теперь, по возвращении из Канады, где он, как выяснилось, провел пятнадцать лет, бывший судебный следователь первым делом отправился в секретариат парижской Оперы, чтобы получить право на бесплатное место. Ибо этот старичок и был господином Форм.

Большую часть вечера мы провели вместе, он рассказал мне все, что знал о деле Шаньи. За отсутствием доказательств ему в свое время пришлось признать безумие виконта и смерть его старшего брата результатом несчастного случая, однако он не сомневался, что между братьями произошла страшная драма из-за Кристины Дое. Но он так и не смог сказать мне, что случилось с Кристиной и виконтом. Когда же я завел речь о Призраке, он только посмеялся над этим. Хотя тоже был в курсе явлений, которые, казалось, свидетельствовали о существовании некоего исключительного человека, избравшего местом своего жительства один из самых таинственных уголков театра Оперы; ему также была известна история с «конвертом», однако во всем этом он не усмотрел ничего такого, что могло бы привлечь внимание должностного лица, которому поручили расследовать дело Шаньи, и потому едва выслушал показание одного свидетеля, явившегося по собственному почину, дабы заявить, что ему не раз доводилось встречаться с Призраком.

Персонаж этот, то есть свидетель, был не кто иной, как Перс — так весь Париж называл человека, которого хорошо знали завсегдатаи Оперы.

Следователь принял его за ясновидца.

Вы, конечно, понимаете, что меня страшно заинтересовала история с Персом.

Мне хотелось отыскать, если это еще было возможно, столь ценного и самобытного свидетеля. Удача сопутствовала мне, и я нашел его в маленькой квартирке на улице Риволи, где он и проживал с тех самых пор и где скончался через пять месяцев после моего визита.

Поначалу я отнесся к нему с недоверием, но когда Перс с детским простодушием рассказал все, что ему лично было известно о Призраке, и передал мне в полную ответственность доказательство его существования, в том числе и странные письма Кристины Дое, письма, проливавшие ослепительный свет на ее ужасную судьбу, я уже не имел оснований сомневаться! Нет! Нет! Призрак не был мифом!

Я прекрасно знаю: мне ответят, что письма эти, возможно, вовсе не были подлинными, что они могли быть подделаны мужчиной, чье воображение наверняка питалось самыми обворожительными сказками, однако мне посчастливилось отыскать почерк Кристины, причем отнюдь не в пресловутой пачке писем, и, следовательно, заняться сравнительным изучением, которое избавило меня от всяких сомнений.

Кроме того, я навел справки относительно Перса и обнаружил, что он — человек честный, неспособный на какую-либо махинацию, которая могла бы ввести в заблуждение правосудие.

Впрочем, таково мнение самых именитых персон, причастных в какой-то мере к делу Шаньи и бывших друзьями этого семейства; я познакомил их со всеми своими документами, изложив те выводы, к которым пришел. С их стороны я получил благороднейшее поощрение и позволю себе в связи с этим привести лишь несколько строк, адресованных мне генералом Д.

«Сударь!

Сумею ли я уговорить вас предать гласности результаты вашего расследования? Я отлично помню, что за несколько недель до исчезновения великой певицы Кристины Дое и разразившейся затем драмы, которая повергла в траур все предместье Сен-Жермен, в танцевальном фойе много было разговоров о Призраке, и думается, что говорить о нем перестали лишь из-за этого дела, завладевшего тогда всеми умами. Однако, если возможно — а выслушав вас,

я полагаю, что это именно так, — найти объяснение драмы при помощи Призрака, прошу вас, сударь, напомните нам снова о Призраке. Каким бы таинственным ни казался он поначалу, понять его все-таки легче, нежели ту мрачную историю, в которой злонамеренные люди пожелали усмотреть лишь смертельный раздор двух братьев, на самом деле обожавших друг друга всю жизнь...

Примите уверения и пр.».

И вот с моим досье в руках я снова исследовал обширные владения Призрака, гигантский монумент, где он основал свою империю, и все, что представляло моим глазам, все, что открывал мой разум, неоспоримо подтверждало документацию Перса, а в довершение мои труды увенчала чудесная находка, положившая конец любым сомнениям.

Вы помните, как совсем недавно, когда копали в подвалах театра Оперы, дабы разместить там записанные на фонографе голоса артистов, кирка рабочих наткнулась на труп, так вот, я сразу же получил подтверждение тому, что это был труп Призрака Оперы. Я заставил удостовериться в том самого администратора, и теперь мне совершенно безразлично, что в газетах пишут, будто найдена одна из жертв Парижской Коммуны.

Несчастные, погибшие в подвалах Оперы во времена Коммуны, погребены в другой стороне; я скажу, где можно отыскать их скелеты: очень далеко от этого гигантского склепа, куда во время осады свозили всевозможные съестные припасы. Я напал на этот след в поисках останков Призрака Оперы, которые мне не удалось бы обнаружить, если бы не столь неслыханный случай захоронения живых голосов!

Но мы еще поговорим об этом трупе и о том, как следует с ним поступить. Теперь же хотелось бы завершить столь необходимое предисловие, поблагодарив скромных второстепенных персонажей, таких как комиссар полиции господин Мифруа (в свое время первым призванный конста-

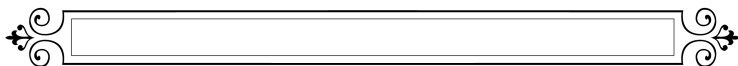

тировать исчезновение Кристины Дое), бывший секретарь господин Реми, бывший администратор господин Мерсье, бывший хормейстер господин Габриель и в особенности баронесса де Кастело-Барбезак, некогда звавшаяся «крошкой Мег» (и не стыдящаяся этого), самая очаровательная звезда нашего восхитительного кордебалета, старшая дочь почтенной госпожи Жири — ныне покойной, — бывшей билетерши ложи Призрака, все они оказали мне посильную помощь, и благодаря им я вместе с читателем в мельчайших подробностях вновь смогу пережить минуты чистой любви и несказанного ужаса¹.

---

¹ Я был бы неблагодарным, если бы, предваряя эту страшную и правдивую историю, не воздал бы должное нынешней дирекции театра Оперы, столь любезно согласившейся на мои изыскания, и в частности господину Мессаже, а также очень симпатичному администратору господину Габьону и очень любезному архитектору, в обязанности которого входит полная сохранность монументального здания, он без малейшего колебания предоставил в мое распоряжение работы Шарля Гарнье, будучи почти уверенным, что я их не верну. И наконец, мне остается публично признать великодушие моего друга и бывшего моего сотрудника господина Ж.-Л. Кроза, позволившего мне пользоваться его изумительной театральной библиотекой и брать у него уникальные издания, которыми он очень дорожил. Г. Л.

ГЛАВА I

Неужели это Призрак?

Тем вечером, когда господин Дебьенн и господин Полиньи, подавшие в отставку директора театра Оперы, устраивали по случаю своего ухода прощальное торжество, примерную Сорелли, одной из лучших представительниц танца, внезапно заполонили с полдюжины девиц кордебалета. Станцевав «Полидевка», они устремились туда в величайшем смятении: одни неестественно громко смеялись, другие кричали от ужаса.

Сорелли, желавшая побыть какое-то время одна, дабы «повторить» приветственную речь, которую вскоре ей предстояло произнести в фойе в адрес господина Дебьенна и господина Полиньи, с досадой увидела эту ошалевшую толпу, ворвавшуюся вслед за ней. Повернувшись к своим подругам, она спросила о причине столь бурного волнения. И тогда крошка Жамм — носик, дорогой сердцу Гревена¹, небесно-голубые глазки, розовые щечки, лилейная грудка — объяснила эту причину дрожащим от страха голосом: — Призрак! — И заперла дверь на ключ.

Примерная Сорелли отличалась формальным и, пожалуй, весьма банальным изяществом. Высокое зеркало на ножках, диван, туалетный столик и шкафы составляли необходимую обстановку. На стенах — несколько гравюр: память о матери, знававшей прекрасные дни в прежней Опе-

---

¹ Гревен Альфред (1827–1892) — французский художник, основавший в Париже в 1882 г. музей восковых фигур.

ре на улице Лепелетье. Портреты Вестри, Гарделя, Дюпона, Биготтини. Эта гримерная казалась дворцом девочкам из кордебалета, размещавшимся в общих комнатах, где они проводили время, распевая, ссорясь, награждая тумачами парикмахеров и костюмерш и угощаясь черносмородиновой наливкой или пивом, а то и ромом, пока не прозвучит предупредительный звонок.

Сорелли была очень суеверна. Услыхав слова крошки Жамм о Призраке, она, вздрогнув, молвила:

— Вот дурочка! — И так как сама первая была готова поверить в призраков вообще и в Призрака Оперы в частности, пожелала сразу же все выяснить. — Вы видели его? — спросила Сорелли.

— Как вижу вас сейчас! — простонала крошка Жамм и упала на стул, не в силах больше держаться на ногах.

И тотчас крошка Жири — глаза-черносливенки, волосы как смоль, лицо смуглое, а сама — кожа да косточки — добавила:

— Если это он, то очень уж безобразен!

— О да! — хором подхватили танцовщицы и заговорили все разом.

Призрак предстал перед ними в виде господина в черном фраке, который вырос вдруг в коридоре, неизвестно откуда взявшись. Его появление было столь внезапно, что, казалось, он вышел из стены.

— Ах! — не выдержала одна из девиц, сохранявшая в какой-то мере хладнокровие. — Вам всюду мерещится Призрак.

И в самом деле, вот уже несколько месяцев в Опере все толковали об этом призраке в черном фраке, который разгуливал по всему зданию сверху донизу, ни с кем не разговаривая. Да к нему никто и не решался обратиться, к тому же стоило его увидеть, и он тут же исчезал, неведомо куда и как. Шагов его не было слышно — обычное дело для любого настоящего призрака. Поначалу все только веселились, насмехаясь над этим привидением в одежде светского человека или служащего похоронного бюро, однако вскоре легенда о Призраке приобрела в кордебалете колоссальный

размах. Танцовщицы уверяли, будто сталкивались с этим сверхъестественным существом, становясь жертвами его злых чар. И те, кто громче всех смеялся, отнюдь не были самыми бесстрашными. Даже оставаясь невидимым, Призрак давал знать о своем присутствии то смешными, а то зловещими событиями, которые едва ли не всеобщее суеверие приписывало именно его влиянию. Случилось какое-нибудь несчастье, подружка подшутила над одной из девиц кордебалета, пропала пуховка для рисовой пудры? Во всем виноват был Призрак, Призрак Оперы!

А по сути, кто его видел? В Опере столько черных фраков, и это вовсе не обязательно призраки. Однако у того была одна особенность, не присущая остальным черным фракам. Под ним скрывался скелет.

Во всяком случае, так говорили девицы.

И вместо головы, разумеется, был череп.

Насколько этому можно было верить? Истина заключалась в том, что представление о скелете возникло после описания Призрака, сделанного Жозефом Бюке, старшим машинистом сцены, который действительно его видел. Он столкнулся — нельзя сказать «нос к носу», ибо у Призрака такового не было — с таинственным персонажем на маленькой лестнице, которая от рампы ведет непосредственно «в низы», в подвалы. Бюке успел заметить его в считанные доли секунды — ибо Призрак бросился бежать — и сохранил об этой встрече неизгладимое воспоминание.

Вот что рассказывал о Призраке Жозеф Бюке любому, кто готов был его выслушать:

«Он чудовишной худобы, и черный фрак болтается на нем, как на скелете. А глаза так глубоко запали, что с трудом можно различить неподвижные зрачки. И в общем-то видны лишь две огромных черных дыры, словно на черепе у мертвецов. Кожа, которая натянута на кости, как на барабан, вовсе не белая, а безобразно желтая; нос такой малюсенький, что в профиль совсем незаметен, *отсутствие* носа — вещь ужасная *на вид*. Три или четыре длинные темные пряди на лбу и за ушами — вот и вся шевелюра».